

УДК 811.161.1'1
DOI 10.52452/19931778_2023_3_167

ВАРИАНТЫ ФРЕЙМА «ОСКОРБЛЕНИЕ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

© 2023 г.

Л.А. Бушueva

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

bushueva@flf.unn.ru

Поступила в редакцию 06.09.2022

Представлены результаты фреймового анализа ситуации поступка «оскорбление» в русском языке и речи. Оскорбление рассматривается как поступок, который может быть воплощен как в действии, так и в высказывании. Цель исследования – показать, что представления о поступке «оскорбление» опираются на инвариантную фреймовую модель «поступок», которая представляет собой структуру, состоящую из следующих элементов (слотов): мотив/цель поступка, действие (речевое действие) как проявление поступка, агент поступка, объект поступка (факультативный слот), оценка поступка, результат поступка. Показаны сходства и различия в характере актуализации данной логико-когнитивной модели поступка в русском языке и русской речи.

Ключевые слова: фрейм, слот, прототип, картина мира, поступок, действие, речевое действие, оскорбление.

Языковая картина мира отражает отношения внеязыковой действительности, а также воплощает результат восприятия мира говорящим. Впервые наблюдаемое событие человек осознает через сопоставление с уже знакомой, прошедшей через восприятие ситуацией. Описываемый фрагмент мира, при переносе признаков из других концептуальных областей, уподобляется чему-то иному, сходному по какому-либо свойству, отношению, качеству [1, с. 121].

С точки зрения исследователей в области когнитивной лингвистики, значения слов соотносимы с блоками знаний, что способствует лучшему восприятию информации [2]. Одной из структур представления знаний является фрейм.

В современной лингвистике фрейм понимается как экономный способ передачи информации, ускоряющий процесс ее обработки и отражающий основные моменты близких ситуаций, принадлежащих одному классу [3, с. 151]. Фрейм помогает собрать воедино рассыпанную на фрагменты эмпирическую реальность, структурировать восприятие социального мира.

Одной из характеристик фрейма является то, что он включает полный комплекс знаний об объекте или ситуации, существующий в данный исторический момент в данном социуме. Фрейм служит базой для формирования контекстных ожиданий в плане дальнейшего хода событий, а также задает рамки допустимых интерпретаций [4, с. 132].

В рамках теории прототипов фрейм понимается как сущность, в основе которой лежит некая норма, прототип – эталонный репрезен-

тант, исходный образец для многих объектов, который содержит то, что объединяет эти объекты в один класс [5, с. 30]. Человек, определяя принадлежность объекта или его свойства к той или иной категории, сравнивает, сопоставляет имеющиеся знания о прототипе с полученными знаниями о познаваемом объекте.

В момент восприятия многое зависит от того, что для человека выступает фигурой (сознанием), а что фоном (подсознанием), главным и второстепенным профилем [6, с. 111]. С этим связано распределение внимания человека, который, пытаясь определить принадлежность некоего объекта к той или иной категории, опирается на прототип, наиболее полно соотносящийся с ключевыми параметрами объекта, и выводит из фокуса внимания несущественные свойства (см. подробнее о дефокусировании в [7, с. 84]).

Целью данной статьи является анализ русских лексем, репрезентирующих поступок «оскорбление»: *оскорбление, оскорбить, оскорблять, оскорбиться, оскорбитель, оскорбительница, оскорбительный, оскорбительно*. Взгляд с точки зрения фреймового подхода, теории прототипов, позволяет вскрыть стереотипные отношения в структуре знаний носителей русского языка о данном поступке.

Поступок, являясь одним из ключевых элементов русской культуры, вызывает интерес у представителей разных научных направлений. Философов, психологов, языковедов в первую очередь волнует вопрос о том, в чем именно может быть воплощен поступок. Не вызывает

сомнения то, что поступок нельзя рассматривать вне его связи с действием, однако если действие, как и поступок, может быть направлено на достижение какой-либо цели, оно зачастую не имеет никакого отношения к окружающим, при этом поступок всегда так или иначе соотносится с окружающими, поскольку всегда имеет значение для других [8, 9].

За основное в данном исследовании принято такое определение поступка, согласно которому он рассматривается как сознательное и разумное действие человека, вызывающее определенную реакцию у окружающих. Значимыми признаками поступка являются: целенаправленность, контролируемость, нетехничность, так как человек, совершая тот или иной поступок, действует осознанно, не механически и имеет какую-то цель. Оцениваемость – ключевой признак любого поступка, поскольку поступок оценивается и человеком, совершающим его, и окружающими, на которых он направлен. Поступок всегда совершается в обществе или социуме, и поэтому он социален (подробнее о поступке см. в [10]).

Поступок может быть выражен не только действием физическим, но и речевым. Под речевым поступком мы понимаем речевое действие, которое характеризуется собственной целью, всегда совершается в социуме, получает внешнюю оценку; другими словами, речевой поступок – это поступок, совершаемый посредством высказывания.

Выделим основные стороны речевого и неречевого поступка «оскорбление» в виде элементов инвариантного фрейма, рассмотрим характер их взаимодействия. В структуре фрейма неречевого поступка выделяются элементы мотив, действие, агент, объект, оценка, результат. Модель речевого поступка во многом схожа с моделью неречевого поступка с разницей лишь в том, что в структуре фрейма речевого поступка выделяется речевое действие, т.е. действие, совершаемое через речевой акт.

На примере поступка «оскорбление» проследим, какие аспекты логико-когнитивного фрейма «поступок» конкретизируются в его языковой и речевой репрезентациях (мотив – неречевое действие / речевое действие – агент – объект – результат – оценка). Исследование проводится на материале толковых словарей русского языка [11, 12], словарей концептов [13], а также текстов Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) [14].

Лексема *оскорбление* может обозначать как речевые, так и неречевые поступки. Ср: «оскорбление – оскорбительный поступок, поведение, слова» [11]; «оскорбление – намеренное нару-

шение душевного равновесия другого человека путем физического (оскорбление действием) или нравственного (оскорбление словом) ущемления его чести и достоинства (оскорбление личности) [13]; «*Поприщин называет сослуживцев «свиньями», злится на швейцара, не подающего ему шинель, подпольный мстит офицеру, который, проходя мимо, не обращает на него никакого внимания. А в один прекрасный день, не извинившись, даже задевает его саблей. Для подпольного – это высшее **оскорбление** его достоинства, требующее немедленной сатисфакции»* (И. Золотусский, Записки сумасшедшего // «Октябрь», 2002); «*Тут ничего не поделаешь – театр есть театр, и чужой успех здесь зачастую воспринимается как собственное поражение, а добрые слова в адрес другого – как личное **оскорбление**»* (И. Архипова, Музыка жизни, 1996).

С помощью лексем *оскорбитель*, *оскорбительница* в русском языке вербализован слот «Агент поступка»; *оскорбить*, *оскорблять* – слот «Действие как проявление поступка»; *оскорбительный*, *оскорбительно* – слот «Оценка поступка, агента поступка»; *оскорбиться* – «Результат поступка». Анализ словарных толкований данных лексем позволил 1) выявить слоты «Объект поступка» (человек, на которого направлено действие, оцениваемое как оскорбление): «оскорбитель – тот, кто оскорбил кого-либо» [11]; «Мотив поступка»: «оскорбление – намеренное нарушение душевного равновесия другого человека путем физического или нравственного ущемления его чести и достоинства (оскорбление личности) [13]; 2) уточнить содержание слота «Результат поступка»: «в отличие от обиды, которая рождается из ощущения притеснения, ограничения свободной воли, оскорбление выводит из состояния покоя (скорбь), целиком захватывая ум и душу (оскорбить), приводя в печаль и причиняя душевные страдания» [13].

Этимология слова *оскорбить* обращает внимание на состояние объекта поступка: «оскорбить – заимствование из старославянского *скърбь* в значении «боль, горе» [15], т.е. результатом оскорбления является причиненная боль.

В рамках контекстуального анализа было рассмотрено 1720 контекстов НКРЯ [14] с лексемами-репрезентантами поступка «оскорбление».

В речи проводится четкое разграничение между оскорблением словом (речевой поступок) и оскорблением делом (неречевой поступок): «*Один из приятелей жениха <...> подъезжает к ней весьма смело, на глазах у всего курса <...> берет за талию <...>, она*

звонко дает ему пощечину, он в ответ свирепеет, громко называет ее тем же словом, что и жених, и даже замахивается – и тут уж получает от сокурсников Елены сполна за **оскорбление** девушки словом и делом» (А. Слаповский, Гибель гитариста, 1996); «Ингуши считают **оскорбление** словом самым чувствительным из **оскорблений**» (Некоторые особенности ингушского характера, 2003); «Есть жестокие типы. Сюда входят типы наказаний, описанные в УК. **Оскорбление** словом. **Оскорбление** действием (Бросить тряпку в лицо)» (Физическое наказание: «за» и «против»: форум, 2007).

Рассмотрим подробнее, каким образом в современных контекстах реализованы варианты фрейма «оскорбление» (оскорбление как речевой поступок / оскорбление как неречевой поступок). Описание концептуального содержания слотов приводится в порядке от наиболее к наименее эксплицированным в контекстах НКРЯ.

Слот «Действие как проявление поступка». Ключевым признаком действий, которые осознаются как оскорбление, является их ненормативный характер. Действие, которое причисляется объектом поступка к таким, которые совершаются против правил (установленных определенной социальной группой или обществом в целом), можно считать прототипическим по отношению к фрейму неречевого поступка «оскорбление». Например, «Для каждого спортсмена спортзал – это храм, а татами для борца то же самое, что для верующего алтарь. И прежде чем ступить на покрытие, будь добр снять обувь. Подобный поступок был не просто вызовом, его следовало воспринимать как **оскорбление**. Они вели себя в зале подобно древним язычникам в христианском храме, сбрасывающим с престола культы богослужения» (Е. Сухов, Делу конец – сроку начало, 2007); «Городничий решает дать Хлестакову взятку. Тем более, что тот стоит перед ним с протянутым цилиндром. Но даже Городничий понимает, что класть деньги в шляпу «такому лицу» – **оскорбление**» (И. Шолохова, Дневник, 2010).

Частотные словосочетания типа увидеть/ усмотреть в (каком-либо действии) оскорбление, воспринимать / рассматривать (что-либо) / расценивать как оскорбление, принять (что-либо) за (личное) оскорбление показывают, что объект поступка может соотноситься то или иное действие не только с системой общепринятых норм, но и с его собственной системой правил. Ср.: «В купленные им на обед яства входил и пакетик майонеза. Но вот облом: сел офицер за стол, а майонеза нет. Слопали! Найденов

усмотрел в этом личное оскорбление» (Призваны и убиты // «Сельская новь», 2003); «Подобные личности склонны не только видеть угрозу или **оскорбление** там, где его нет, но и преувеличивать их интенсивность» (Криминальный конфликт // «Боевое искусство планеты», 2004).

Признак «несоответствие нормам поведения» характерен и для оскорбления, которое воплощается в высказывании, т.е. для речевого поступка «оскорбление». В таком случае действие противоречит общепринятым нормам человеческого общения или нормам общения, которые были установлены самим объектом поступка. Ср.: «Последний же из них, которому я обязан был «Хеннесси», тот напоследок и вовсе обозвал Лариску дурой, что нельзя было расценить иначе как **оскорбление**» (О. Зайончковский, Счастье возможно: роман нашего времени, 2008) – к речевым действиям, не соответствующим нормам человеческого поведения/общения и рассматриваемым в рамках фрейма «оскорбление», можно отнести, судя по контекстам НКРЯ, обзывание (в том числе бранное) и насмешку. К речевым действиям, не соответствующим нормам поведения/общения, установленным лично, можно отнести предложение, замечание, отказ, шутку. Например, «Когда к ней подошел староста и предложил поехать в выходные на дачу, не скрывая, каким может быть дальнейшее развитие событий. <...> Она, воспитанная в строгих кавказских традициях, восприняла предложение как **оскорбление**» (М. Трауб, Плохая мать, 2010); «Предложили ему занять кафедру Мензбира. Кольцов отказался без всяких колебаний. **Оскорбился**, что его могли счесть готовым на подобную непристойность» (Д. Гранин, Зубр, 1987); «Но отказ мы воспримем как **оскорбление**. Как только дверь за ним закрылась, все сразу зашумели» (М. Галина, Солнцеворот, 2013); «Я сказала: “I’m from мумбу-юмбу”. Я то хотела пошутить, понравиться таможеннице, а то вдруг она не пустит меня в Америку. Но вышла неприятность, меня чуть не отправили обратно. – За насмешку над демократией или за **оскорбление** лиц при исполнении – Сказали, что я нелояльна к afro-americans» (Е. Колина, Дневник измены, 2011); «Маня любое замечание, даже самое справедливое, воспринимает как личное **оскорбление**» (Д. Донцова, Доллары царя Гороха, 2004).

Правила человеческого поведения/общения, как и правила разных социальных групп, а также личные правила и ценности, варьируются в зависимости от времени, соответственно, то или иное слово, в согласовании с данными правилами

ми, причисляется или не причисляется к оскорблению. Например, «В поразительную эпоху мы живем. «Хороший человек» для нас звучит как оскорбление. «Зато он человек хороший» – говорят про жениха, который выглядит явным ничтожеством» (С. Довлатов, Заповедник, 1983); «Именно после этой встречи она и назовет его «гостинодворским», т.е. мещанским. Страшное оскорбление в те годы...» (В. Недошивин, Прогулки по Серебряному веку, 2012); «Слово «активист» для меня звучит как оскорбление» (С. Довлатов, Заповедник, 1983).

Слот «Результат поступка». Как для речевого, так и для неречевого поступка «оскорбление» в современных контекстах выявляются схожие результаты. Поскольку поступки (неречевые и речевые) фрейма «оскорбление» воспринимаются как поступки, противоречащие нормам поведения/общения, с этим связаны и их типичные последствия. Значительное количество контекстов указывают на то, что за оскорбление полагается наказание. В случае оскорбления человека выше по статусу или того, кто находится при исполнении служебных обязанностей, последствия имеют законное основание и варьируются от увольнения и штрафа до тюремного заключения агента поступка: «Он вернулся из Маршинской колонии. Отсидел два месяца за оскорбление судьи» (А. Евтушенко, Дневник, 2003); «–Ах, да... Я здесь много дров наломал? Шабанов кивнул. – Вполне достаточно, чтобы быть уволенным из вооруженных сил. Оскорбление сотрудников, помощника дежурного вы ударили по лицу. В принципе, это статья» (Д. Корецкий, Менты не ангелы, но..., 2011).

В любом другом случае оскорбление ведет к следующим последствиям: 1) последствия в форме ответного действия объекта поступка – мечь, расправа (типичные словосочетания: *в ответ на / ответить на оскорбление; кровное оскорбление* подразумевает то, что нанесенное глубокое оскорбление можно искупить лишь ценой крови оскорбителя) – подобный результат можно считать прототипическим для фрейма «оскорбление», поскольку он актуализирован в абсолютном большинстве контекстов НКРЯ; 2) последствия в форме бездействия объекта поступка (типичное словосочетание: *проглотить оскорбление* – «проглотить – принять молча, скрыть свою обиду» [11]); 3) психологические последствия для объекта поступка – чувство обиды, горечи (типичные словосочетания: *стерпеть/снести оскорбление* – «стерпеть – вынести тяжелое, мучительное, неприятное» [11]). Ср.: «Явился в кондитерскую, предложил свою кандидатуру. Высмеяли,

выгнали. Обозвали голоштанником. Надолго осталось в душе оскорбление» (И. Грекова, Фазан, 1984); «Рецидивист мгновенно дал задний ход, направился к Клекотову, чтоб убить его за страшное оскорбление» (А. Слаповский, Гибель гитариста, 1996); «Решил: уничтожу оскорбителя собственной рукой, а после хоть на каторгу» (Б. Акунин, Чайка, 2000); «Это не мешало ему после некоторой передышки иногда снова загореться и броситься мстить оскорбителю» (Ф. Искандер, Сандро из Чегема, 1989); «Жизнь продолжалась, и боевой офицер, проглотив оскорбление, занялся более или менее понятным бизнесом – охраной» (А. Иванов, Ебург. Новеллы из книги, 2014).

Слот «Оценка поступка, агента поступка». Отрицательная оценка является прототипической для речевого и неречевого поступка «оскорбление». Лексем-репрезентанты фрейма сочетаются с такими оценочными прилагательными, как *страшное, позорное, жестокое, обидное, тяжкое, смертельное, наглое* оскорбление; *жестокий оскорбитель*.

Сочетаемость лексемы «оскорбление» с глаголом *нанести*, который в сочетании с некоторыми существительными означает причинить, т.е. послужить причиной чего-либо неприятного, также свидетельствует о прототипической отрицательной оценке поступка. Ср.: *нанести оскорбление/ущерб/вред/удар/урон*.

Интенсификация понятия оскорбления передается с помощью сочетания лексем-репрезентантов со словами-интенсификаторами, например, *глубочайшее/сильное/сильнейшее/тяжелое/тяжелейшее/высшее/большое/огромное* оскорбление.

Слот «Агент поступка». Агент оскорбления актуализирован в дискурсе, однако сложно выделить его специфические черты: оскорбителем может быть любой человек. Агент поступка в некотором смысле связан с результатом поступка: частотны контексты, в которых отмечается, что оскорбление, нанесенное близким человеком, переживается тяжелее, чем то, которое исходит от чужого человека. Ср.: «Только от близкого человека оскорбление чувствуешь с особенной остротой» (Е. Белкина, От любви до ненависти, 2002).

Слот «Объект поступка». Объектом оскорбления (речевого / неречевого) может стать любой человек вне зависимости от пола, возраста, социального положения. В контекстах НКРЯ актуализированы как близкие люди, товарищи, на которых направлено оскорбление, так и чужие для агента поступка лица. Ср.: «И она меня встретила, прижала к себе и не отпускала до тех пор, пока я не понял, что

произошло и какое смертельное **оскорбление** нанес я моей любимой Этери» (А. Азольский, Диверсант, 2002); «**Обязательно использовать оскорбление с намеком на материну по отношению к тем, кто Вам не нравится?**» (Форум: Православие и «Русский марш», 2012).

Значимым в отношении объекта поступка «оскорбление» является то, что разные действия /слова по-разному воспринимаются мужчинами и женщинами и соответственно относятся или не относятся к категории оскорблений. Следующий пример является иллюстрацией того, что мужчину и женщину оскорбляют разные высказывания: «В большинстве случаев почти каждого мужчину можно выбить из колеи тем, что был кто-то гораздо интереснее, крепче, эффективнее тебя в сексе. А для женщины, наверное, самое страшное оскорбление – то, что она не женственная, не сексуальная, не привлекательная, не желанная» (Т. Девятова, Л. Щеглов, Три минуты вечных мук, 2010).

Слот «Мотив поступка». Мотив практически не получает выражения в современном дискурсе. Лишь некоторые словосочетания, частотные в современном дискурсе, косвенно указывают на то, что оскорбление обусловлено определенным мотивом, который понятен агенту поступка (умышленное оскорбление), но скрыто для того, кто оценивает ситуацию (безосновательное оскорбление). Ср.: «А умышленное оскорбление чувств граждан в связи с их отношением к религии <...> преследуется в соответствии с федеральным законом» (С. Мозговой, Силовики благочестия, 2003); «Рошаль, а извиниться за безосновательное оскорбление слабо?» (С. Рошаль, Кому принадлежала земля в России, 2012).

Таким образом, проведенное исследование позволяет говорить, во-первых, о том, что в речи ситуацию оскорбления могут представлять и само имя поступка, и отдельные компоненты этой ситуации (оскорбитель – агент поступка «оскорбление», оскорбительный – определение, характеризующее поступок); во-вторых, о важности рассмотрения поступка в единстве всех его элементов: мотива, агента, действия (речевого/неречевого), объекта, результата и оценки. Данные слоты актуализированы как в лексической системе русского языка, так и в современном дискурсе. Опорными точками представлений о поступке «оскорбление» являются прототипические референты: прототипические действия (общие для речевого и неречевого поступка «оскорбление»: противоречащее правилам поведения; прототипические действия, характерные для речевого поступка «оскорбление»: обзывание, насмешка), прототипические последствия (общие для речевого и неречевого

поступка «оскорбление»: наказание для агента поступка, обида/огорчение для объекта поступка, ответный поступок или бездействие со стороны объекта), прототипическая оценка (отрицательная). Слоты «Агент поступка», «Объект поступка» находятся на периферии внимания, что можно объяснить тем, что оскорбление может быть совершено любым человеком по отношению к кому-либо. «Мотив» выведен из фокуса внимания в пользу других характеристик. Неодинаковая конкретизация слотов может объясняться их значимостью в осмыслении стереотипной ситуации поступка или тем, что данный слот подразумевается в случае вербализации других элементов фрейма, так как фрейм – это в первую очередь экономная передача информации.

Список литературы

1. Пименова М.В. Естественная категоризация в языке (на примере концептов внутреннего мира) // Когнитивные исследования языка. Тамбов, 2010. С. 119–129.
2. Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007. 248 с.
3. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 152 с.
4. Сусык С.Ю. Способы репрезентации концепта «террористический акт» в дискурсе (на материале французских СМИ) // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 22. С. 132–138.
5. Rosch E. Principles of categorization // Cognition and Categorization. Hillsdale, 1978. P. 27–48.
6. Левицкий А.Э. Проблема частей речи в аспекте категоризации языковых единиц // Когнитивные исследования языка. Вып. VII. Тамбов, 2010. С. 110–118.
7. Ирисханова О.К. Дефокусирование и категоризация в комплексных лексических единицах // Когнитивные исследования языка. Вып. VII. Тамбов, 2010. С. 78–93.
8. Аругюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
9. Телия В.Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. М.: Наука. 1981. 269 с.
10. Бушуева Л. Имена поступков и их семантика в контексте современной лингвистики // Альманах современной науки и образования. № 3: Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы. Ч. 2. Тамбов, 2007. С. 21–23.
11. Малый академический словарь. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/dictionary-russian-academ.htm>
12. Русский семантический словарь / Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 1–3. М., 1998–2003.
13. Словарь русской ментальности / Под ред. В.В. Колесова, Д.В. Колесовой, А.А. Харитоновой. СПб.: Златоуст, 2014. Т. 1–2. 1198 с.
14. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 01.08.2022).
15. Этимологический словарь русского языка / Под общ. ред. Г.А. Крылова. URL: <https://lexicography.online/etymology/krylov/> (дата обращения: 01.08.2022).

VARIANTS OF THE «INSULT» FRAME IN RUSSIAN AND SPEECH

L.A. Bushuyeva

The article presents the results of the frame analysis of the situation “insult”. An insult is seen as an action, that can be done verbally and non-verbally. The aim of the article is to show that our thoughts about the act are based on the invariable frame “action” that is a structure consisting of the following slots: motive, act (speech act), subject, object, evaluation, result. The article shows how the lexemes that name the action “insult” represent this invariable logical-cognitive model of the action in the Russian language and discourse. The research also draws out what differs and unites the variants of the same frame, that are of a speech act “insult” and of a non-verbal act “insult”.

Keywords: frame, slot, prototype, world view, action, act, speech act, insult.

References

1. Pimenova M.V. Natural categorization in language (on the example of concepts of the inner world) // *Cognitive studies of language*. Tambov, 2010. P. 119–129.
2. Stepanov Yu.S. Concepts. Thin film of civilization. M.: Languages of Slavic cultures, 2007. 248 p.
3. Minsky M. Frames for the representation of knowledge. M.: Energy, 1979. 152 p.
4. Susyk S.Yu. Ways of representing the concept of «terrorist act» in discourse (based on the material of the French media) // *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2007. № 22. P. 132–138.
5. Rosch E. Principles of categorization // *Cognition and Categorization*. Hillsdale, 1978. P. 27–48.
6. Levitsky A.E. The problem of parts of speech in the aspect of categorization of linguistic units // *Cognitive studies of language*. Issue VII. Tambov, 2010. P. 110–118.
7. Iriskhanova O.K. Defocusing and categorization in complex lexical units // *Cognitive studies of language*. Issue VII. Tambov, 2010. P. 78–93.
8. Arutyunova N.D. Types of linguistic meanings. Assessment, event, fact. M.: Science, 1988. 341 p.
9. Telia V.N. Types of linguistic meanings. The related meaning of the word in the language. M.: Science, 1981. 269 p.
10. Bushuyeva L. Names of actions and their semantics in the context of modern linguistics // *Almanac of modern science and education*. No. 3: Linguistics and literary studies in synchrony and diachrony and methods of teaching language and literature. Part 2. Tambov, 2007. P. 21–23.
11. Small Academic Dictionary. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/dictionary-russian-academ.htm>
12. Russian semantic dictionary / Under the general editorship of N.Y. Shvedova. Vol. 1–3. M., 1998–2003.
13. Dictionary of Russian mentality / Edited by V.V. Kolesov, D.V. Kolesova, A.A. Kharitonov. St. Petersburg: Zlatoust, 2014. Vol. 1-2. 1198 p.
14. The National Corpus of the Russian language. URL: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (Date of access: 01.08.2022).
15. Etymological dictionary of the Russian language / Under the general editorship of G.A. Krylov. URL: <https://lexicography.online/etymology/krylov/> (Date of access: 01.08.2022).